

Неделя. — 1992. — апр. (N 15). — С. 8-9.

ВЕСНОЙ 1969 года Эраст Гарин сказал киноактеру Павлу Виннику: «Позови на репетицию «Горя от ума» Иольду Извицкую... Очень хочется с ней поговорить и поработать...» Через полмесяца Винник случайно встретился с Извицкой в гардеробе Театра-студии киноактера. Она стянула с головы цветной платок, печально улыбнулась и, подойдя к высокому зеркалу, сказала: «Ты видишь мое лицо, Паша... Кончилась актриса... Нет ее больше...»

«Я давно не видел Иольду Васильевну, — вспоминает Винник, — она еще сохраняла свою природную мягкость и женственность, но меня поразили ее усталые, потерявшие свою прозрачность васильковые глаза, заметная проседь в волосах, серое землистое, несколько припухшее лицо... А ведь ей было только тридцать семь лет...»

Предо мной случайно сохранившийся членский билет № 0687 Иольды Васильевны Извицкой, принятый в Союз кинематографистов СССР 21 декабря 1960 года. Ни за 1969-й, ни за 1970-й и 1971 годы взносы не уплачены. Она стала кинематографической звездой уже в конце пятидесятых годов, но ее стремительный взлет завершился через семь-восемь лет столь же стремительным падением.

...Летом 1950 года восемнадцатилетняя выпускница пятой средней школы из маленького городка хинюков под Горьким внезапно ушла со школьного вечера и, появившись дома и в школе через несколько дней, объявила, что ездил в Москву и подала документы во ВГИК. Родители, мать-педагог, отец-инженер-химик, не возражали. Вскоре Иольду приняли на актерское отделение ВГИКа. Приемную комиссию пленили: эстетичность, обаяние и несколько наивная, первозданная чистота выражения ее чувств и даже чуть заметный волжский говор этой удивительно миловидной темноволосой девушки с косичками и длинными ресницами.

Извицкая училась в киностудии в период малокартинья, когда каждое указание Сталина работникам литературы и искусства воспринималось, как откровение. Она бывала на бурных собраниях, где обсуждались мысли вождя о проблемах языка и клеимис буржуазной космополитизм, ходила на просмотры картин «Падение Берлина», «Незабываемый 1919 год»... Вместе с ней учились будущие кинозвезды Р. Нифонтова, Т. Конюхова, Н. Румянцева, В. Владимирова, Г. Юхтин, А. Пархоменко. Этому актерскому поколению предстояло сыграть серьезную роль в обогатии советского кинематографа, особенно после выхода в 1954 году таких картин, как «Большая семья» и «Верные друзья».

Извицкая начала сниматься еще студенткой с маленьких ролей официантки в фильме «Богатырь» идет в Марто» и Этрин в «Тревожной молодости». А. Алова и В. Наумова. Ее дипломной работой стал образ современной женщины в известной и жизнедающей Маши в кинокомедии А. Фролова «Доброе утро, имевшей тогда большой успех. Женские образы, созданные Извицкой в те годы, были в чем-то убедительны и привлекательны для зрителя, оценившего естественную манеру игры, женственность и обаяние молодой актрисы, которая тем не менее не могла вырваться из традиционно-упрощенных схем «простого советского человека».

Иольда Извицкая взмолла на кинематографический Олимп только после картины Григория Чухрая «Сорок первый». Фильм Чухрая, вышедший на экраны через три года после смерти Сталина, был одним из первых нетрадиционных и честных филь-

мов о гражданской войне. Кроме того, Иольда Извицкая встретила своего режиссера. Актриса, которую Г. Чухрай первоначально планировал на роль Марютки, оказалась в другой съемочной группе. И тогда директор «Мосфильма» кинорежиссер И. Пырьев решительно сказал Чухраю: «Разве у нас мало интересных актрис. Возьмешь Иольду Извицкую!»

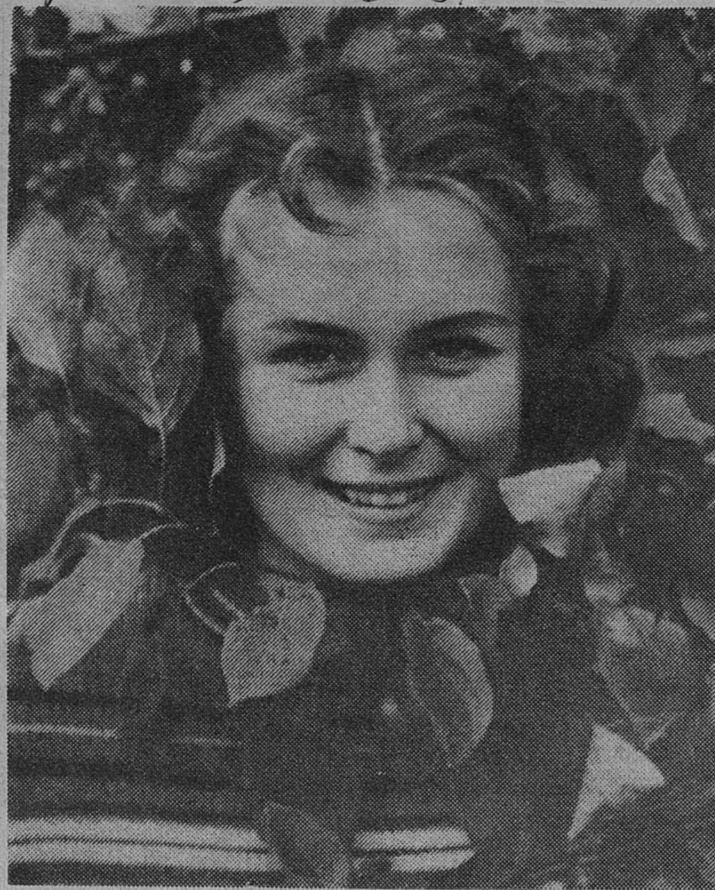
Кинопробы Извицкой устроили режиссера, подобранный ей достойный и опытный партнер — артист Олег Стриженов. Роль Марютки была для актрисы первой большой работой в кино. В творческом общении с Г. Чухраем, как рассказывал сам режиссер, у нее возникали определенные трудности: Извицкая, интересно проявлявшая свой талант в лирико-романтических сценах, чувствовала себя не совсем уверенно, когда режиссер просил или требовал от нее раскрыть социальную страсть Марютки, ее пролетарскую непримиримость, драматическую борьбу двух чувств — любви к «голубоглазному» поручику и ненависти к представителям его класса. Строя эту роль на острых и вместе с тем тонких контрастах, Чухрай добился своего с помощью длительных поисков, раздумий, репетиций. Иольда Извицкая уже была замужем за киноактером Эдуардом Бредуном. Увидев, что она тоскует по мужу, Чухрай вызвал его из Москвы, поручив изобразить казака на коне в массовых сценах.

Фильм имел огромный успех. Вместе с Г. Чухраем и О. Стриженовым Иольда Извицкая в 1957 году побывала во Франции, на Каннском кинофестивале. Во Дворце кино на нее обрушился шквал аплодисментов. В двадцать пять лет к Извицкой пришла слава. Она восторженно смотрела на мир с обложки советских и иностранных журналов, ее героини изображались на почтовых открытках, выходивших массовыми тиражами. В Париже открылось кафе «Иольда». Популярную актрису потворились ввести в комитеты по защите мира, по делам молодежи, по делам культуры, она стала членом Ассоциации по культурным связям со странами Латинской Америки и приобрела влиятельных покровителей, устроивших ей поездки в Париж, Вену, Брюссель, Буэнос-Айрес, Будапешт, Варшаву и т. д. Она много ездила по Союзу, выступая перед кинозрителями.

Но постепенно в ее творчестве наметился серьезный спад, ставший особенно очевидным во второй половине шестидесятых годов. Извицкая снялась в двадцати двух картинах, из них семнадцать сделаны до 1964 года, но любимой и главной ее работой в кино осталась роль Марютки.

В ОСНОВНОМ она играла вторые женские роли, однако не отказывалась от предложенных выступлений в эпизоде. Ей не прибавила известности слабая, нелепая кинокомедия А. Тутышкина «К Черному морю» (1957 г.), где она являлась зрителю в главной роли студентки Нади Кручинной, совершавшей увлекательную поездку к морским берегам в сопровождении жениха и поклонника. А в известной картине Алова и Наумова «Мир входитему» (1961 г.) она несколько раз мелькнула на экране в облике девушки-регулюровщицы. В 60-е годы наиболее интересной и значительной ее работой стала разведчица Паша в четырехсерийном телевизионном фильме Сергея Колосова «Вызываю огонь на себя» о подпольной борьбе в годы Великой Отечественной войны.

Сергей Колосов помог ей обрести второе дыхание. Он много работал с актрисой, рассказывал о партизанах, приглашал на встречи с героями подполья, создавал почву для эмоционального восприятия острых драматических ситуаций. Он видел, что в ее работе отрицательно сказывалось «отсутствие накопленных в сфере актерского ма-

стерства». Благодаря Колосову, Извицкая целых полтора года жила в ритме напряженной актерской работы, что было для нее необходимостью...

В большинстве же своих ролей 50—60-х годов она, как правило, не претендует на глубокое постижение внутреннего мира своих персонажей, существуя в рамках убогой драматургии, не отвечающей ее актерским возможностям. К ней относились, как к податливому ветою, как к податливому «человеческому материалу», из которого выжимались нужные для фильма эмоции. Извицкая была яркой лирико-драматической актрисой, и именно в этом направлении должен был развиваться ее талант после успеха в роли Марютки. Весма незащищенный и скромный человек, она нуждалась в особом подходе, ее творческая личность требовала глубокого и пристального внимания, с ней нужно было долго и упорно работать, ее доверие нельзя было злоупотреблять.

Все это ей мог дать только одаренный режиссер-педагог. Особенно велики были ее симпатии к Григорию Чухраю. Извицкая говорила: «...Из меня можно делать все, что угодно. Образ Марютки — это Гришина заслуга!...» Сам Чухрай так объясняет трудную актерскую судьбу актрисы: «То, что Извицкую после «Сорок первого» стали приглашать на вторые, а то и на третьестепенные роли, связано с серьезными недостатка-

ми нашей социальной системы в кино. Многие крупные, да и молодые режиссеры не хотели работать с известными артистами, стремясь из эгоистических побуждений открыть свою собственную кинозвезду. Они не заметили тех значительных возможностей, которые раскрывала в Извицкой роль Марютки. Именно поэтому многие актеры поистине уникального таланта у нас снимались весьма редко, тогда как на Западе большой успех в фильме открывает дорогу актеру ко многим фильмам». С этим нельзя не согласиться, когда вспоминаешь десятки спосо-

так было

ГИЛЬДЫ

ты. Она не роптала на свою нелегкую судьбу и не выражала никаких протестов даже тогда, когда для этого был реальный повод. Но в ее хрупкой душе постепенно накапливались обиды, разочарования, горькие размышления, и немногие догадывались, насколько близко к сердцу все принимала она. В сущности, жизнь Иольды Извицкой сложилась весьма трагично. Она приехала в Москву из провинции наивной «домашней», неплохо воспитанной девушкой. Перед отъездом она подарила родителям свою фотографию с надписью «Мамочке и папочке».

О НА ЛЮБИЛА мужа, но жизни с ним была для нее далека от той идеальной семьи, которую она представляла в юности. Киноактер Эдуард Бредун был человеком талантливым, энергичным, но в нем нередко пробуждались грубость и бесцеремонность. Именно он, может быть, сам того не желая, приучил молодую жену к спиритизму. Но это не помешало ему впоследствии оскорблять ее, обвиняя в пьянстве. Человек весьма самолюбивый, Бредун обижался, когда его называли на студии: «Эдик, муж Иольды Извицкой...» Первый в жизни бокал шампанского актриса выпила на свадьбе, когда ей было двадцать три года. Потом, по инициативе Бредуна, началась длительный период домашних

за столом, на которых царствовали крепкие напитки — водка и коньяк. Свою роль в жизни Извицкой сыграли и официальные приемы, ресторанные встречи с благодарными поклонниками и зрителями... Влияние алкоголя на ее хрупкий организм было разрушительным: уже скоро она неожиданно для окружающих начала терять «координацию движений», уходить в «небытие».

Актрисы рассказывали мне, что во время кинофестиваля в Горьком из комнаты гостиницы, которую занимали Бредун и Извицкая, был слышен такой разговор: «Мне плохо, Эдик... Я больше не могу пить эту галекость». — «А ты опохмелись, легче будет»...

Бывало, во время отъездов мужа на съемки или гастроли актриса забывала о водке, но неизменно приезжал Бредун с неизменной бутылкой, затем почти каждый день появлялись «друзья» и ставили на стол «Столичную» или коньяк. Зенлек и соученик Иольды по Дзержинску, артист Артур Нищевкин, понимая, что происходит с Извицкой, сказал как-то ее мужу: «Эдик, тебе надо закрыть дом напроочь! Хватит возлияний!» Но Бредун отрезал: «Не твоё дело!» Сергей Колосов вспоминает: «Порой на съемках Иольда была недостаточно собранный, плохо выглядела, чувствовалось, что она ведет безалаберную семейную жизнь с Бредуном, который был мне антипатичен».

Извицкой не суждено было иметь ребенка, хотя она обожала детей, называя, например, маленького сына соседки Жени Прусаковой своим сыночком, и даже мечтала сыграть беременную женщину, отдыхающую у моря.

Э. Бредун все чаще уезжал в киноэкспедиции, на гастроли, забывая с собой почти все свои вещи и даже магнитофон. А потом она начала пить сама. «Невинное» увлечение алкоголем, любовь к красивому застолью превратились у нее в настоящую страсть.

Судьба Извицкой типична, как

и судьба многих пившихся актеров, лишенных работы, внимания и человеческой поддержки. Чухрай рассказывает, что однажды он встретил на студии начальника производственного отдела «Мосфильма», который сказал ему: «Поговори с Извицкой, она приходит пьяная на съемки».

«Вероятно, — признается режиссер, — такая беседа не имела смысла, я не хотел быть воспитателем взрослого человека... Позже я понял, как велика была

в ней потребность общения с людьми».

«В 1968 году, — рассказывает киноактриса Татьяна Гаврилова, — я, моя приятельница, известная актриса Людмила Марченко и ее муж, театральный администратор Виталий Войтенко пришли в гости к Иольде. Мы были потрясены, увидев, что она сильно избита. Она показала нам множество ссадин на руках и теле, синие подтеки под глазами. Но не сказала, кто это сделал. И вдруг Иольда заявила: «У меня есть апельсиновая настойка... но совсем немножко...»

Людмила сказала мужу: «Витя, сбегай в магазин». Войтенко промолчал. Потом, когда мы ушли, он сказал: «Я никогда с этой женщиной не выпью. Она совершенно больной человек, я с ней бывал на концертах».

Последние 2—3 года жизни Извицкой были чрезвычайно тяжелыми. В Театре-студии киноактера она почти не появлялась, в спектаклях не была занята. Наступала деквалификация, связанная с большими перерывами в ее актерской работе. Как-то ее пригласили в Ташкент для озвучивания роли, но вскоре выяснилось, как рассказывает актри-

са Галина Фролова, что с этой работой она справиться не может. Ее заперли на замок в номере гостиницы, чтобы оградить от алкоголя. На кинопробы Извицкую не вызывали: боялись рисковать.

В начале 1969 года друзья Иольды попросили кинорежиссера Самсона Самсонова помочь актрисе. Он пригласил ее на крошечную бессловесную роль в своей картине «Каждый вечер в одиннадцать». Командировка в Сочи, гонорар. «Вы меня очень

крывала только по основному сигналу. Извицкая боялась звонить в диспетчерскую «Мосфильма», куда штатные актеры были обязаны сообщать, что будут делать в ближайшие дни. Она твердила: «Я жду Эдика. Он обязательно придет». В ближайшем магазине-стекляшке иногда покупала водку, но чаще это делала по ее просьбе соседки или знакомые. Несколько раз Извицкую видел в магазине актер Иван Савкин. Она сидела на дощечке, прикрыв лицо платком. Руки ее тряслись. «Разда два я помог ей приобрести столь желанную бутылку», — вспоминает актер.

Нет сомнения, алкоголь был для нее в эти дни тоски и одиночества «самоистребляющим соблазном», ее пьянство уже определялось острой душевной болезнью, стремлением оборвать все нити, связывающие ее с действительностью. «Витя, — сказала она однажды Виталию Войтенко, — слышишь напротив нашего дома звуки магнитофона? Кто-то крутит пленку со словами: «Извицкая — пьяница», «Извицкая — алкоголик»... Я не могу это слышать».

В последние месяцы жизни актриса не получала зарплаты, так как не звонила в диспетчерскую, не сдавала бюллетени... Она голодала, не могла платить за квартиру. Близкие друзья приносили ей бутерброды, продукты, помогли продать ненужные книги. Татьяна Гаврилова рассказывает: «В конце января 1971 года, возвращаясь с репетиции, я шла вня по своему второму Мосфильмовскому переулку. Впереди шла худенькая женщина в выцветшей карачу, в левой шубе и русском цветном платке. Она крепко держала в правой руке старенькую авоську из под кефира и газетным свертком. Обогнав ее, я обернулась и сразу же узнала Иольду Извицкую. Мы давно не виделись, и ее лицо показалось мне более болезненным и одуловатым, чем прежде, она производила впечатление человека не от мира сего».

Н ЕКОТОРОЕ время она лежала в больнице от нервного истощения, но через месяц после окончания курса лечения все вернулось на круги своя — теперь к алкоголизму добавилось серьезное душевное расстройство. Длительное время Извицкая почти не выходила из дома, не ходила ни в гости, ни к врачам. Окна квартиры были наглухо зашторены. Как вспоминает часто бывавшая у нее в январе — феврале 1971 года киноактриса Татьяна Гаврилова, Иольда была подавлена страхом, не хотела ни с кем видиться, не подходила к телефону, а дверь от-

— Здравствуйте, Иольда Васильевна.

— Ой деточка, маленькая, здравствуй! Не хочешь ли зайти ко мне? — спросила она, потирая маленькие ручки. Ее глаза просили меня поговорить, пообщаться с ней. Я согласилась. Мы дошли до ее дома и поднялись на 3-й этаж. В однокомнатной квартире Извицкой царил идеальная чистота, но обстановка была весьма бедной. В полуоткрытом одежном шкафу висело лишь несколько поношенных женских халатиков. Уловив мой взгляд, Иольда Васильевна сказала, что ее недавно обокрали. В углу стояла старая продавленная тахта и около нее телевизор с небольшим экраном. Но на широких полках, занимавших солидное место в комнате, я увидела много хороших книг...

— Деточка, — вдруг произнесла актриса, — давай с тобой выпьем.

Она извлекла из газетного свертка спрятанную бутылку «Столичной», поставила ее на кухонный стол, затем налила две небольшие стопки водки, а на закуску подала черные сухарики, которые всегда сушила и держала на всякий случай. Когда она открывала холодильник

на кухне, я заметила, что он пуст. Видимо, все эти последние дни ее мучил голод, но на водку Иольда деньги где-то доставала. После первой рюмки она потеряла равновесие и схватилась за край кухонного стола. Испугавшись, я обхватила ее руками и поволокла к тахте. Когда она пришла в себя, я попрощалась и ушла.

В феврале мы встречались довольно часто, я приносила ей еду. Однажды она послала меня к знакомому в соседний дом, где мне вручили три рубля для Иольды.

Во второй половине февраля художественный руководитель Театра-студии киноактера Рудник сказал мне: «Передайте Извицкой, что мы скоро вызовем ее на репетицию пьесы Гусева «Слава». В тот же день мы с Иольдой Васильевой вместе читали фрагменты этой пьесы. После 20 февраля я заходила к ней несколько раз, но дверь никто не открывал. Записку, оставленную мной в почтовом ящике Извицкой, кто-то забрал, и я успокоилась, думая, что она куда-то уехала.

В конце февраля и в два первых мартовских дня в Театре-студии киноактера ожидали прихода Извицкой на репетицию. Кроме того, ей нужно было срочно расплатиться в ведомости и получить наконец свою зарплату за последние два месяца. Третьего марта диспетчер театра, обеспокоенная тем, что телефон Извицкой не отвечал, позвонила Бредуну и попросила его пойти на квартиру своей бывшей жены и, если никто не ответит, открыть дверь своим старым ключом. Но Бредун не смог попасть в квартиру — дверь была закрыта, а ключ торчал в замочной скважине с другой стороны. Вызвали милицию, слесаря из ЖЭКа, и они без особого труда взломали закрытую дверь.

Иольда Васильевна лежала на полу как-то боком в стеганом французском халатике, головой — на кухне, худеньким телом — в комнате. Увидев все это, Бредун громко сказал: «Уже набралась, вставай!» Но Извицкая не поднималась. На лице отчетливо проступали характерные пятна, и слезы проворочали: «Ты что, не видишь, она же мертвая!» Видимо, актриса шла на кухню, но, потеряв сознание, упала и умерла. Судя по всему, пролежала так больше недели. Еды в доме не было никакой, лишь кусочек хлеба, наколотый на вилку, лежал в металлической салатнице. Я слышала, как следователи, приехавшие на место происшествия вместе с врачом, сказали: «Она хорошо поддалась». Однако по настоянию моей просьбы Бредуна смерть Извицкой объяснили «отравлением организма неизвестными ядами, слабостью сердечно-сосудистой системы». Поползли слухи: «Иольда Извицкая отравилась, повесилась...»

П ОСЛЕ ЕЕ смерти радиостанция Би-би-си сообщила, что в Москве от голода и холода, всеми забытая, выброшенная из общества, умерла известная киноактриса Иольда Извицкая. Маленький некролог о ее смерти появился в «Советской культуре». Безутешные родители актрисы были убеждены, что всю вину за гибель дочери несут ее товарищи, киношники. Наверное, в ее трагической судьбе есть и доля их вины. Возможно, не будь у нее таланта актрисы, и жизнь сложилась бы иначе. Но судьба одарила Извицкую и заставила жестоко заплатить за подарок. И все же... Каждый человек проходит свой путь. Извицкая оказалась созданием для этого жестокого мира. Ее талант не понадобился другим. А сама сражалась за него она была не в силах.

Аркадий БЕРНШТЕЙН.

На снимках разных лет — Иольда Извицкая в студенческие годы, на экране, во время одной из кинопроб и с мужем — Эдуардом Бредуном.